

Анна
KATTEN

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Новая
ЖИЗНЬ

Ли́ла Катте́н
Новая жизнь

Серия «От судьбы не уйдешь», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67946190

SelfPub; 2022

Аннотация

Я потеряла смысл жизни, в тот день, когда остановилось бьющееся сердечко внутри меня! Не смогла пережить эту потерю...

Но меня обманули... жестоко, грязно, безжалостно...

И вот спустя три года, в мою жизнь врывается ОН. Мой «герой», мой якорь, меняю мою реальность...

Но прошлое атакует, решая иначе...

Выбирая между сыном и им, я не смогу выбрать второго, он должен меня понять...

Должен, но не обязан...

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	43
Глава 7	55
Глава 8	70
Глава 9	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Ли́ла Каттен

Новая жизнь

Пролог

Нахожу телефон на столе, а в нем натыкаюсь на несколько смс с незнакомого номера.

Открываю первое и леденею от того, что там написано.

– Что за бред?

Читаю вновь:

«Уронили Эмму в грязь.

Разорвали сучке сердце.

Потому что, она мразь,

Сует нос в чужое дельце»

Следующее:

«Нравится идиотка? Старания были для тебя. Надеюсь оценила. Еще хочешь?»

– Что это такое?

Листаю вниз и мне видится лишь первая строчка, от которой мне становится жутко и плохо, а открыв в голове словно взрыв боли происходит.

«Обманули Эмму в раз.

И заставили страдать.

Отобрали ее сына,

Бросив Эмму умирать.»

Руки трясутся так, что телефон падает из них и разлетается по комнате. Мне становится больно дышать, потому что горло хватает спазм.

Я пытаюсь переварить все написанное, но не могу.

Я не могу понять этих слов.

Я не понимаю кто это.

Я знаю, что это не Вадим. Это не бывший муж.

Мне страшно. До жути страшно.

Ноги подкашиваются, и я падаю на задницу.

Быстро встаю на четвереньки и начинаю собирать куски долбанного «кирпича», потому что там было еще несколько смс.

– Не получается... – начинаю истерить, когда телефон не поддается. Батарейка не вставляется.

Руки снова пробирает волна дрожи, а из меня вырываются хрипы.

Наконец нажимаю кнопку, но ничего не происходит.

– Давай же. Ну. Пожалуйста... пожалуйста... – плачу, как ненормальная. Слезы капаят на темный экран, и я готова пойти купить новый, на последние деньги.

Ставлю на зарядку, и он тут же оживает. Боже, я готова кричать от счастья.

Лихорадочно зажимаю кнопку и жду эти чертовы двадцать секунд, пока он врубится.

Вхожу в сообщения и продолжаю читать.

«Думаешь, что сейчас ты получишь ответы? Да или нет, – вот в чем вопрос. Нетушки! Согласись, ты заслужила все это от начала и до самого конца!»

«Ах да, главное. Если тебя все-таки интересует ответ на твой вопрос и более детальная информация. Ну допустим координаты сама знаешь КОГО, ты должна понять, что твой грязный ротик должен быть мертв. Малейшее колебание воздуха и паф... пелена рассеется. Ха-ха-ха!»

– И все?

Перечитываю вновь и вновь, но ничего.

– Я схожу с ума. Нет я сошла с ума. Я не верю. Я не могу в это поверить. Что мне делать? Что?

«Я поняла вас. Просто скажите... просто скажите, что это правда. Только скажите. Напишите, это правда?»

Ожидание умеет убивать.

Минута. Две. Три... десять...

Молчание. Молчание... Слезы уже высохли, только грудная клетка периодически вздрагивает от прошедших всхлипов...

«Да».

Мой вопрос и этот ответ.

Бросаю телефон на кровать и зажимаю рот рукой.

Немой крик застревает где-то в горле и весь мой привычный мир рушится за секунду, как и я.

Жив? Жив... Господи... он правда жив?

Мой сын?

Мой малыш?

Моя крошка...

Мой маленький...

А кого же...? Кого хоронила я?

Нет. Кто-то играет со мной. Надо мной издеваются.

Глава 1

Эмма

Куда катится моя жизнь? Отвечу – в преисподнюю.

Все было. И деньги, и любовь. Ничего не осталось. Это тот самый феникс, что не возродился после того, как сгорел, хотя в моем случае был поджег. Поэтому, я начала катиться куда-то вниз и пока еще не достигла самого дна.

Кто мне судья? Все вокруг. Они же лучше знают.

Ненавижу их взгляды. Ненавижу рассуждения о прекрасной жизни. Они пытались меня спасти, вытащить оттуда, где я сейчас, но тщетно. Не позволю им.

Мне двадцать семь. Сирота. Оборванка с детства. Мечтательная идиотка с иллюзией изменить мир. Подняться до небес. Три раза «ха».

Поднялась? О, да. И как, больно было падать?

Кто знает историю сначала? Да никто. Только я.

Ублюдок, забрал все, а на прощанье купил комнату в общежитии среди таких же, как и я теперь, неудачников.

Завтра на работу. Была основателем крутого интернет-магазина и фирмы доставки, а стала полумойкой. Это самый умопомрачительный «взлет». Была никем, никем и уйду.

В доме, бардак, грязная посуда и грязная я.

Залезла в дыру матраса, пересчитала деньги.

– Пять тысяч. Не густо.

До зарплаты еще неделя. Значит больше не смогу выпить.

Пока и этого достаточно, до сих пор тошно.

Поменяла простынь на своей развалюхе и легла, предварительно, выставив будильник на шесть утра. Потому что идти придется пешком. Эти деньги мне нужны для другого.

Скоро третья годовщина... Куплю малышу новую игрушку...

Компания «ДавыдOff» нуждается в чистоте с самого утра. Прихожу каждый день, кроме выходных. Вымываю три этажа. Благо помещения не делятся на кучу кабинетов. На четвертый я не поднимаюсь. Там своя уборщица, из тех, что подписывают договора не лезть куда не надо, и все такое.

Это строительная компания. Но по факту не важно. Работа и работа.

Меня больше волнует, что завтра тринадцатое августа. Нужно отпроситься на пару дней. Знаю, что начало недели. Не отпустят, уволюсь.

Заканчиваю с уборкой и иду к Юле, которая обычно встречает гостей на входе. Нужно узнать пришла ли Кристина.

– Анатольевна тут?

– Должна подойти, – мило улыбнулась и продолжила печатать.

Странно. Она единственная, кто так приветлив со мной, будто мы друзья, а не сотрудники. Когда не имеешь друзей и

отвергаешь привязанности на любом уровне, когда был предан и разбит, когда был вывернут наизнанку от потери, сложно не бояться доверять или просто довериться. Вот я и сторонюсь любых подобных отношений. С меня хватит.

– Вот и она.

Я обернулась и увидела мою начальницу.

– Кристина Анатольевна, доброе утро.

– Доброе, – тут до милости далеко. Никогда не была к ней приветлива, как и она ко мне. словно одолжение друг другу делали. – Что-то случилось?

– Я бы хотела попросить отгул на завтра.

Вот, как смотрят на насекомое. Что я ей сделала?

Да и ладно, мне давно плевать на чужое мнение. Мне главное, предупредить и уйти без проблем.

– Исключено, Эмма. Завтра у нас в компании большой день. Приезжают зарубежные партнеры. Ты нужна тут на весь день, а не как обычно. Поэтому отложи все свои дела и вспомни, что это работа и ответственность, за которую тебе платят деньги, а не делают одолжение.

– Кристина, я все понимаю. Вызовите сменщицу. Мне нужно быть в другом месте, и я не могу не пойти. Извините, что вот так предупреждаю. Если бы знала, что будет аврал, то заранее поменялась с Оксаной.

– Ты, наверное, не поняла?

Терпение, Эмма. Вспомни, ты еще пока цивилизованный человек.

– Я все поняла, но...

– Вот и славно. Всего хорошего.

Сказала и повернулась, уходя к лифтам. Вот сука. Ну уж нет.

– Кристина, – говорю громко и четко направляясь к ней, – я завтра не приду. Если ты меня не отпустишь я уволюсь и плевать мне на то, что ты скажешь.

И это чистая правда. Я уж точно не держусь за эту работу.

А вот и фурия проснулась. Это, как снять кожу со змеи, под ней она останется прежней и яда не убавится.

– Что ты сказала? – шипит. – Ты кем себя возомнила? Ты мошь. Никто, чтобы в таком тоне со мной разговаривать. Даже, если ты уволишься, две недели будешь отрабатывать, – в конце речи, уже было оперное пение из перекошенного рта.

Я немного засмеялась. Тон ее голоса стал на октаву выше, так что Нетребко, нервно поправила платье и ушла.

– Это ты не поняла. Я завтра не выйду.

– А бухать посреди недели, не слишком ли?

Вот тварь. Вырвать бы ей волосы.

– Что ты сказала? Да, что ты знаешь о моей жизни?

Я стала приближаться к ней, чеканя каждое слово, припечатывая, а она пятиться к стене пытаясь видимо слиться с ней. Жалкая трусиха.

– Что здесь происходит? – прозвучал бас за моей спиной. Это еще кто?

Фурия встрепенулась, нацепила свою маску руководителя

и мило заулыбалась.

– А вам то что? – повернулась к мужчине. Смерила его взглядом. Наверное, раньше мне понравился бы его лоск, голос. Оценила бы его костюм и манеру речи, но сейчас он был для меня лишь кем-то, кто вмешался в разговор. – Неужели бумага в туалете закончилась? Так достаньте из кармана пачку денег.

Повернулась к стерве и продолжила.

– Я сказала, что не приду. Соберешься уволить, действуй. Две недели отработаю, но со среды, а не со вторника.

– Мне повторить вопрос? – господи, почему он до сих пор тут стоит? Подошла к лифту и нажала кнопку.

– Вам сюда? – обратилась к неугомонному. – Прошу.

Развернулась и пошла. Кристина, как открыла рот, так и стояла, смотря на это все.

– Стоять, – пробасил, и меня пригвоздило к месту. Просто остановилась и стою в шоке.

– Александр Матвеевич, это наша уборщица. Она хочет завтра отгул, но это невозможно. Ответственный день, а на улице вы сами видели дожди начались. Но она и слушать не хочет. К тому же хамка.

Стало смешно. Она только что, призналась своему начальнику в своей некомпетентности. Как можно, таких людей держать в компании? Я бы уволила ее тут же.

Я молча наблюдала за этой картиной и ждала, что будет дальше.

Ситуация смешная, конечно, огромная компания и идут разборки с уборщицей.

– Думаю, что нам такие сотрудники не нужны. Я собираюсь ее уволить.

– Может быть назовете причину? – обратился он ко мне.

– А, что изменится? Если важность данного момента настолько высока, причина что-то поменяет? – усмехнулась я.

Мужчина смерил меня взглядом и перевел внимание на мою начальницу.

– Вызовите другую работницу. А вы можете идти.

Наверное, мы с ней вместе опешили. Например, я не понимала: кто это и почему дает мне разрешение, но главное, я добилась своего и завтра посвящу свой день только тому, кто пока еще радуется моему израненному сердцу, оставаясь в моих воспоминаниях. Там, где еще светило солнце для меня, а дождь и хмурое небо не волновали, и не отражали мое настроение.

Тринадцатое августа. Тот день изменил все. Радость, любовь, улыбку, невинное сердце, покой. Плевать на тех, кто предал, моя боль не связана с ними. Моя боль посвящена единственному, кого я лишилась навсегда, моему сыну.

Глава 2

Александр

Ненавижу дождь. Еще и неделя сложной выдалась. Немцы едут не просто так. Чувствую, что кто-то пытается перейти дорогу. С тех пор, как мы выиграли тендер на строительство в самом центре города, все пошло наперекосяк.

С этими мыслями собрался на работу и поехал привычным маршрутом.

Не успел войти в здание, как стал свидетелем ссоры Кристины с какой-то женщиной. Что еще за разборки в фойе? Цирк какой-то.

Понаблюдал немного и понял, что вторая тоже моя сотрудница. Но по ее одежде сложно понять кто именно. Дресс-код распространяется на всех, кроме обслуживающего персонала. Уборщица?

Подошел привлек внимание, и получил взгляд женщины, которая готова была меня уничтожить, уже не беря во внимание, что она говорила со мной слишком дерзко. Смотрела, как на дерьмо на ботинке. Но ее глаза. В них было что-то немыслимое. Не особо люблю женщин, устраивающих публичные скандалы или в принципе склочных, но эта зацепила. Ее вид, конечно не привлекал внимание, она будто специально закрывалась, желая оттолкнуть от себя лишние взгляды.

Было желание обнять ее и пообещать, что все будет хорошо, взбодрить, уверить, что улыбка – это не так страшно.

«Охренеть мысли!»

Такой взгляд я видел когда-то давно... у моей матери. Когда ей оставалось жить последние месяцы, она смирилась и перестала бороться. Она просто доживала, улыбалась нам с отцом, но жизни в ее глазах не было. Она умерла задолго до того, как ее сердце остановилось. И было плевать, сколько денег я смог заработать, они не спасли ее.

Сейчас такие же, смотрели в мою душу, вынимая на поверхность воспоминания. Значит, она теряла или же потерялась сама. Совсем молодая девушка.

Разрешил ситуацию и заметил, как Кристина смотрит на нее, словно ненавидит. Интересно, что они могли не поделить между собой.

Развернулся к лифту, который уже уехал. Погруженный в свои мысли услышал, как Кристина эмоционально разговаривает с Юлией.

– Тварь. Ты видела? Какая-то алкоголичка и шлюха унизила меня, да еще перед Давыдовым.

Хм..., наверное, стоит пересмотреть ее профпригодность.

– Перестань Кристина. За что ты ее так? Знаешь, сколько всего она пережила. Завтра годовщина.

Не люблю сплетни, слухи и тех, кто их порождает. Но тут впервые захотелось прислушаться. Они говорили о ней, и стало ясно, что девушка далеко не так проста. Значит алко-

голь?!

– Сама виновата. Она пьяница. Нужно было думать о ребенке, тогда не потеряла бы его. Так ей и надо. Бедный ее муж. Столько пережил пока они были вместе. Благо он ушел от нее.

– Да ты что такое говоришь? – я и сам был в шоке от ее поведения, а рот захотелось помыть с мылом. – Самой не противно от таких слов Кристина, – девушка была в шоке, а я так вообще выпал в осадок.

Никогда не видел в ней столько злости и яда. Стало мерзко, но я не мог не подойти.

– Да, чтобы ты знала защитница, эта шлюха, трахается направо налево. Думаешь она вспоминает о своем погибшем ребенке в эти моменты? Она пьет днями напролет, а ты ее защищаешь. Вадима, вот кого нужно жалеть, а не эту дрянь.

Я стоял за спиной и расслышал все до последнего слова. Юлия стала белее мела, но не сказала ни слова глядя на меня. Кристина поняла, что она молчит, не просто так, заглядывая за спину. Быстро развернулась, но сказать ей не дал ни слова.

– Все сказала?

– Александр Матвеевич, я... – краснеет, злится, пытается подобрать слова, но по-прежнему ничего вымолвить не смогла.

– Не стыдно?

– Извините.

– Рабочий день уже начался, – таких женщин, как она сто-

ронился всегда.

– Хорошего дня.

Подождал, когда уйдет и повернулся ко второй собеседнице. Стоит боится.

– Юлия, расскажи мне о той девушке. Ты явно знаешь ее.

– Немного. На самом деле ровно столько сколько и другие.

Слишком много слухов и они не правдивы. Точнее не все.

– Тогда расскажи все, что знаешь.

– Ну, эм... ладно. Эмма, хорошая девушка на самом деле.

Просто, она много пережила. Сирота, выросла в детском доме, что с родителями не в курсе. Создала свой интернет-магазин, еще когда училась, потом открыла фирму по доставке. Вышла замуж. Быстро забеременела. Но, она потеряла малыша перед родами. Мальчик. Потом ее муж отнял у нее магазин и фирму, выгнал без ничего, вроде купил комнату в общежитии на окраине города. Начались проблемы с алкоголем. Устроилась к нам уборщицей. Уже два года тут работает. Тринадцатое августа, как я поняла годовщина смерти ее сына. В том году она тоже отпрашивалась. Только ее не было дольше. Говорит на день, а на самом деле на несколько дней уходит, – опустила взгляд, и я понял почему.

Значит, Эмма.

– Я понял. Спасибо.

Собирался уже уйти, как тут почти шепотом, немного неуверенно Юля произнесла:

– Не увольняйте ее, Александр Матвеевич. Эмма, хоро-

шая. Ее, итак никуда не брали. Вадим перекрыл ей кислород везде. Теперь то у него связей много. Разнес слухи о ней всякие, а люди добавили. Гадкий человек он.

В этом я почему-то не сомневался. История выходит не самая радужная.

– Я и не собирался ее увольнять. А, что за магазин?

– Ой, это детский магазин «Малышок». Наверное, самый популярный из всех существующих. Эмма, еще периодически отправляла вещи новые в детские дома и дома малютки. Да и так, игрушки всякие, принадлежности канцелярские.

Сердце сжималось при мысли об этой маленькой женщине с нерастраченной любовью и нежностью. Сильная, но неуверенная в себе. Сломленная жизнью и людьми.

– Спасибо, Юлия.

– Не за что.

Поднялся на свой этаж. Секретарь уже была на месте. Кофе и туча документов, и где-то среди всего этого, мелькала девушка с потускневшими серыми глазами по имени Эмма. Какой она была до? И что за мужик ей попался. Видимо женщин и правда привлекают убудки. На автомате запросил информацию о вторичных сотрудниках, нашел Колесникову Эмму Витальевну. Адреса такого даже и не знал. Видимо реально где-то на отшибе живет.

И, что мне теперь делать с этой информацией? Я понятия не имел. Но знал одно, я хочу с ней, как минимум поговорить.

Рабочий день прошел в относительно спокойном режиме. К приезду гостей мы готовы, хотя я и не переживал особо.

Дом встретил тишиной. Отец уже спал. Ужин в холодильнике, мысли далеко.

Привычный уклад жизни не раздражал, приносил спокойствие. Я не знал, как может быть иначе. Возможно, свадьба все изменит. Пора заводить детей. Ксения хороший вариант. Хотя, отец не особо желает видеть ее рядом со мной. Но, если вспомнить что ни одна кандидатка не пришлась ему по душе, то становится понятно, такой какая, по его мнению, мне подойдет не существует в природе.

Я уважаю его, но не могу делать все, как хочет он. Наверное, отец думает, что идеальная женщина эта та, что будет похожа на мать. Вот только...

Невольно мысли возвращаются к ней. Какие слова правдивы? Что, если ее муж прав?

Нет. Даже думать не буду. Не похожа та женщина на падшую.

«Ну да, тебе ли не знать о падших людях?»

Глава 3

Эмма

Ушла из офиса в отвратительном настроении. Денег мало. Пойду пешком домой. Жаль, что негде переждать до вечера, ведь нужно вернуться, еще раз все вымыть. А тратить деньги на дорогу большая роскошь.

В пути увидела игрушечный магазин. Зашла по привычке. Боль окружила меня и стала ощутимой. Машинки, паровозики, роботы. Чего бы ты сейчас хотел, маленький мой?

Каким бы ты стал? Три года. Три года одиночества и ненависти к себе самой. Я виновата. Чтобы там не говорили врачи. Он был во мне.

– Мой мальчик. Мой малыш, – прошептала еле слышно.

Слезы, словно, маленькие жемчужины скатились по щекам прокладывая путь для других, что полились потоком.

Консультант подошла и даже слова не сказав, исчезла.

Ну вот, сейчас еще вышвырнут отсюда.

– Держите.

Я не сразу поняла ко мне ли обращаются. Повернулась и увидела девушку, в руках которой был бумажный платок.

– Спасибо.

Было странно. Неловко оттого, что кто-то видит мою боль.

– Я понимаю вас.

– Правда? – я горько усмехнулась.

Совсем юная. Что ты можешь знать о боли и о самой жизни? Хотя не мне судить. Уверена, что бывает и хуже, но мой ад, только мой. И этот огонь для меня самый страшный.

– Недавно потеряла ребенка.

Ее глаза наполнились слезами. Но ни одна не скатилась.

– Сочувствую вам. А я потеряла три года назад, за неделю до родов. Завтра годовщина.

– Я вам тоже сочувствую. Простите.

– Вы еще молодая. Успеете родить и не раз.

Хотя самой, всего двадцать семь.

– Муж также говорит. Но это больно. Срок маленький был. Но нет смысла считать месяцы, не станет легче, я уже полюбила его.

– Главное – не потеряйте друг друга. А дети еще будут. Не переживайте.

– А вы? Не хотите еще родить?

– Для этого, нужно научиться жить. А я сдалась уже давно. Не смотрите на меня, я плохой пример для подражания. До свидания.

– До свидания.

Вышла и села на широкий подоконник этого же магазина. Слезы капали на дорожку. Сколько их еще будет?

– Вам помочь? – слышу до боли знакомый голос.

Он врывается в мои уши словно ураган. Словно я лист бумаги, который скомкали за секунду. Не хочу, чтобы это

была она. Только не она.

Поднимаю голову и понимаю, что ошиблась. Стоит такая вся красивая, как и прежде подлая дрянь.

– Ты? – не узнаю свой голос.

– Вам нужна помощь? – именно этот вопрос меня убивает.

Помощь? Она спрашивает о том, нужна ли мне помощь?

Или я с ума схожу? Начинаю смеяться.

– Помощь? Ты издеваешься, да? – злость вскипает за секунду. Хочу придушить эту гадину.

– Нет. Я действительно хотела помочь. У вас что-то случилось?

Вот тварь.

– Я бы тебе сейчас врезала, но мне не до тебя. Как ты смеешь подходить ко мне и предлагать помощь, сука? Где ты была все это время? Встала на сторону Вадима? Кто угодно мог это сделать, но не ты. Как ты могла? погоди, что ты там написала мне – «живи своей жизнью, мне надоело быть нянькой для тебя»? Все вы чертовы предатели. Ты же укатила в Лондон к своему безупречному англичанину. Неужели выгнал? – снова начинаю смеяться.

Потому что, когда-то все было иначе. Когда-то, она была моей самой близкой подругой. Моей душой.

– Простите. Мне нужно идти.

Иди. Как сделала это три года назад, сучка.

– Стыдно? Надеюсь, что так. И запомни: если, ты приблизишься ко мне хоть на метр, я тебя убью, тварь.

Выпучила глаза и зашагала прочь.

Какой же дрянью ты оказалась, Вика. Ненавижу ее. Всем своим проклятым сердцем ненавижу, сука.

Вытерла глаза и побрела, не видя дороги. Злость перемешивалась с моими светлыми чувствами. Омрачала их. Пачкала грязью. Мне не нужны эти воспоминания. Не нужны. Я забуду. Забуду. Совсем скоро.

Я смирилась. Свыклась. Не отпустила. Научилась искать ответы на дне бутылки. Я плохая. Не лучшая женщина. Но мне было плохо. Не удержалась на ногах, поэтому ползаю до сих пор. Даже не знаю, что меня держит тут. Нелюдима, неправильная, алкоголичка, шлюха. Вот кто я. А мне все равно. Раньше – независимая, сегодня – никто.

Больше, не жалею себя, презираю. Просто, пока что, не нашла повода стать другой. Да и не найду. Раньше думала, что я сильная, добившись таких высот, но это оказалось мишурой, обманным фасадом.

С этими мыслями я и дошла до дома. Хотя, это ошибочное и неправильное слово, для этой убогой комнаты. Но я довольна. Меня оставили в покое, никто не лезет в душу, изображая из себя психолога. Всем плевать друг на друга. Идеально.

Легла на кровать и уснула, поставив будильник на пять часов. С запасом. Успею прийти, когда все разойдутся и спокойно сделать свою работу.

План удался. Народа в здании не осталось кроме двух

охранников. Уже привыкла к их обсуждениям. Хуже женщин. Сплетники. Каких только небылиц не придумали за эти годы и не только обо мне. А ветер разносит их слова, другие снова добавляют и так по кругу.

Закончила с уборкой. На улице еще не совсем темно. Только восемь. Но лето в этом году не самое теплое.

Дорога долгая, но она привлекает меня. Не люблю много народа. Удивительно, ведь раньше я купалась в их взглядах и никогда не думала, что одиночество станет моим спасением.

Я не особо любила эту часть моей жизни, каждый мнил себя другом, публичность обременяла, но друзья все-таки были. А потом, та же общественность очень ладно сочиняла легенды обо мне, главной неудачницы жизни. Прокручивали меня в мясорубке, потом доставали, поправляли одежду, давали сделать только один вдох, а потом снова кидали в тот же измельчитель.

Дом, душ, чай с какой-то булкой, сон. Сегодня мне будут сниться кошмары. А завтра и вовсе не усну. Поэтому нужно попытаться отдохнуть.

Паршивое утро, противный кофе, хреновое настроение. А внутри дыра. Черная, огненная, кровавая. Как вам угодно. Но болит очень сильно.

Первая мысль, прежде чем открываю глаза: "Прости меня, мой маленький. Я так тебя люблю".

На часах почти десять. Умываюсь. Одеваюсь. Беру последние деньги и бреду в магазин.

В прошлом году я покупала самолет. В этом решила купить поезд. Думаю, малыш обрадовался бы такому подарку. Самые красивые цветы и снова домой. Поем, переоденусь и в путь. Кладбище не далеко. Живу на краю города. Пешком полчаса. Сварю макароны и пойду. Надеюсь на кухне никого нет.

Открываю дверь и застываю на месте.

Александр

Принимаю душ. Ужинаю и иду на террасу. Бокал виски сегодня не был бы лишним, но нет, не стану. Тишина и покой. Я люблю этот дом. Всегда любил. Родителям он пришлось по душе. Когда поставили диагноз матери, решение привезти их сюда никто не оспаривал. Три года борьбы и три года, отведенные нам на то, чтобы побыть вместе, рассказать и показать чувства, окутать заботой, восполнить все, что было упущено. Их оказалось катастрофически мало, но мы были благодарны и за это.

Хотя... я успел натворить дел за это время... После я ушел в себя, отец тоже. Понадобилось время принять все это. Мы готовились, но оказались не готовы. Сейчас уже стало лучше. Правда он угрожает уйти из дома, если порог переступит Ксения.

Кстати, о ней. Нужно позвонить. Днем было некогда.

– Ксения? – слышался шорох в трубке. – Привет. Я был

занят весь день. Ты выбрала платье?

– Привет милый, – пропела она в трубку тяжело дыша. – Я потому и звонила. Нашла то самое. Правда мне кажется, что это слишком дорого. Но это платье, – делает театральную паузу, – такое красивое. Мое, понимаешь?

Будто не знаю, что она не отстанет, если не купит его.

– Я пока еще богат, как и раньше. Поэтому хочу, чтобы моя невеста купила подходящее ей платье по статусу. Бери, если считаешь, что оно тебе по душе.

Визг, писк и признания в любви. Все, что нужно ей для счастья.

– Завтра буду занят. Когда ты прилетишь?

– Я бы хотела еще немного в Париже побыть. В России сейчас дожди. А тут солнечно. Да и подружка прилетает скоро. Ты же не против?

– Не против. Спокойной ночи.

– И тебе спокойно ночи. Люблю тебя, милый.

– Постой. Чем ты занималась? Тяжело дышала.

– Решила побегать.

– На ночь глядя?

– Увлеклась днем пирожными. Ты же знаешь, какая я сладкоежка.

– Ясно. Пока.

Нужен отдых. Свадьба через полгода. А мне нужен перерыв от всего. Я устал. Лето почти закончилось. А я до сих пор не нашел крысу.

Утром проснулся от аромата кофе. Значит отец уже проснулся.

Принял душ спустился и оказался прав. Домоуправительница не пришла еще, а этот бойкий старичок на ногах и полон сил.

– Слушай, а может тебя назад на работу устроить? Ты слишком бодрый и никогда бы не опаздывал. Идеальный работник.

– Доброе утро сын, – смеется. – Я свое уже отпахал. Тебе ли не знать? Сегодня важный день?

– Доброе, пап, – подошел и обнял его. – Да, сегодня немцы будут в компании, хотя, я так и не понял причины. Последнее время слив информации прекратился, но задержки меня не устраивают. На одном из объектов материалы были не качественные. Короче на следующей неделе возьмусь за начальство.

– И каким образом все дошло до такой стадии? Ты же главный. Если тебя подводит команда, на которую ты положился, нужно менять игроков, сынок. Действуй. Все в твоих руках.

– Спасибо пап.

Он строил эту компанию с другом Генрихом. Мама поддерживала. Когда я закончил учебу стал работать бок-о-бок с ним. А дальше принял все дела, когда маме стало плохо. После, он возвращаться не стал. Иногда помогает. И я точно могу прийти к нему за советом в любое время.

Два часа ублажал гостей. Провел по всем отделам, рассказал то, что должен был и освободился уже в половине двенадцатого.

Тринадцатое августа – врезается в память. Решение было принято моментально, хотя смысл ускользал. Я не понимал своего поступка, но уже сидел за рулем и слушал навигатор, который вел меня туда, где сейчас грустит одна девушка, нуждающаяся в компании.

По дороге купил сладостей. Зачем?

Подъехал не пойми куда. Район, здание и коридор все было в отвратительном состоянии. Как тут вообще можно жить? И тут она проводит время? А запах...

Кругом пьяные лица. Из комнат странные звуки.

Боже, девочка, что ты тут забыла?

Поднялся на второй этаж и чудом остался жив. Дошел до двери и даже не успел постучать, как та открылась и на меня смотрели заплаканные глаза. Два мутных озера. Худая блондинка в потрепанном сарафане. Она не выглядит красивой или же оборванкой, просто уставшее лицо, болезненная худоба, и отсутствие желания жить и радоваться.

"Мало поводов", – подумал я. Но она безумно милая, чистая, и такая маленькая.

– Здравствуйте Эмма, – явно она удивлена моему лицу на своем пороге.

Глава 4

Эмма

Что он тут делает? Что происходит? И кто он вообще такой?

– Здравствуйте, Эмма.

Ну, конечно. Работа. Сам ведь отпустил меня.

– Здравствуйте. Что вы здесь делаете?

– Можно войти? – что за наглость. Пришел и требует прием.

– Проходите, – отступаю в бок. Плевать, как выглядит мое жилище. Я не обязана устраивать царский прием. – Присаживайтесь на стул.

Представляю, что он думает обо мне. Наверное, и Кристина ему наговорила весь тот бред, что придумывают остальные.

– Чай хотите?

– Буду благодарен.

Повод выйти отсюда. В моей комнате он смотрится слишком большим.

Поставила чайник на плиту и вернулась в комнату.

На столе лежат коробки.

– Что это?

– Этот вам, – подвинул их ко мне.

– Спасибо, – приняла и начала выкладывать в корзину для конфет. – Итак. Вы не ответили.

Он пристально посмотрел мне в глаза. Я не стала прятать взгляд. Мы тут не в песочницу играем. На самом деле он красивый мужчина. А цвет глаз просто невероятный. Серо-голубые, с примесью зеленого. Сколько ему? На вид лет тридцать пять. Может больше. Стоит взглянуть на меня. Всего двадцать семь, а на вид все сорок, наверное. Так что, может быть, ошибаюсь.

Не слащавый, мужественный. Настоящий такой. Слегка волнистые, темно-русые волосы. Красиво уложены.

– Извините, за то, что пришел вот так внезапно.

– Извиняю, но все равно не понимаю, – bravo Эмма, дослушать не пробовала?

– Хотел извиниться за вчерашнюю ситуацию.

– Почему вы? Считаете себя ответственным за поведение Кристины Анатольевны?

– Я руковожу этой компанией. Поэтому, если возникает подобное, да на моих глазах, обязан разрешить спор.

– Понимаю. Отличное решение, но оно было лишним, – услышала свист чайник. – Я сейчас вернусь.

Руководитель? Ну да, это же Давыдов блин, собственной персоной в моей берлоге, сидит и просит прощения из-за этой швабры. Слов нет.

Взяла чайник и пошла назад. Поставила на стол две кружки и стало неловко из-за моего дешевого чая. Он, наверное,

чай с плантациям пьет, а я тут, эту мочу ему подсовываю. Предложить кофе? Тот еще гаже. Черт. Видимо заметил мое смятение:

– Мне обычный черный чай.

– Хорошо, только когда выпьете, не делайте вид, что было вкусно.

– Тогда, я скажу вам правду, – сказал и я почувствовала, что он улыбается, но поворачиваться и проверять не стала.

– Договорились.

Села напротив него и стала есть. Печенье оказалось очень вкусным, как и булочки. Давно я так не ела.

Унеслась в воспоминания. И тут он говорит:

– Отвратительно.

Смотрю и не понимаю сразу.

– Что?

– Этот чай, – указывает на кружку, – он просто отвратителен. Не пейте его. Иначе заработаете язву.

– Может быть это моя цель?

– Вы когда-нибудь пробовали настоящий японский чай?

– Было дело, – ублюдок муж, привозил с отдыха на мои деньги, напомнила себе в мыслях. – Очень давно, уже и не вспомню.

– Я подарю вам коробку с одним очень необычным вкусом, попробуете скажете, как он вам. И надеюсь, вы понимаете, что возражения не принимаются?

– И не планировала возражать. Нужно уметь принимать

подарки, – ага, и кто это говорит, ты ли Эмма?

Посмотрела на время и стала думать, как его выпроводить.

– Александр Матвеевич...

– Просто Саша. Ни к чему официоз, мы не на работе.

– Нет, простите. Я не стану переходить на «ты» с вами.

Это ни к чему. Я тороплюсь. У меня сегодня много дел.

– Вы просили отгул. Я могу спросить зачем и, если я могу помочь...

– Послушайте, в любой другой день, я бы сказала вам, что это не ваше дело, и вы не имеете права тут находиться, потому что, это так. Пospорила бы с вами прежде, чем выпроводить. Но, не сегодня. И мне не нужна ваша помощь. Спасибо за сладости и за то, что извинились. Вам пора.

– Это лишь предлог Эмма.

– Предлог?

– Я знаю, что за день сегодня для вас.

Я задержала дыхание. Никогда прежде я не делила этот момент с кем-то. Который год я сама по себе. Один на один с моим горем. Но это правильно, так и должно быть.

– Тогда, тем более должны понять, что я не нуждаюсь в компании.

– Вас подвезти? – он что не слышит, что ему говорят?

– Я хотела прогуляться и мне задержаться нужно будет.

Привести в порядок там и...

– Все нормально. Я не тороплюсь.

– Не стоит. И вы не обязаны...

– Не обязан, но я так хочу.

– Ладно. Только мне нужно взять тут кое-что.

Было неловко и эта его доброта в глазах мне не нужна. Зачем он строит из себя благородного человека? С меня взять то нечего. Это Вадим из кожи вон лез, потому что знал цель, а ему это зачем? Я устала на него и не могла сдвинуться с места. Зря я согласилась.

– Берите и поедem.

Вышла из ступора и подошла к шкафу, взяла пакет с игрушкой. Он стоял на месте и следил за моим перемещением по комнате.

Подошла к столу с вазой и вытянула розы. В магазине они словно смотрели на меня. Так захотелось окружить этой красотой моего мальчика. Невольно выступили слезы.

– Можем ехать.

Повернулась к мужчине, но в этот раз в ступоре был он.

– Позвольте? – указал на пакет с игрушкой.

– О, конечно. Это для моего малыша. Каждый год... – голос дрогнул, а горло стянул спазм размером с булыжник, – я каждый год приношу игрушку.

Быстро отвернулась смахнуть пару слезинок. Взяла сумку, в которую предварительно положила и влажные салфетки, и бумажные платки.

– Крутой поезд.

– Да. Я думаю, что... Думаю, что возможно, ему бы по-

нравился он.

– Я в этом уверен.

Отдал мне пакет и вышел.

В машине мы молчали. Каждый думал о своем. Ехать было недалеко. Это пешком время уходило, а на такой тачке пятнадцать минут, может быть и меньше.

Остановились и просидели в тишине еще минут пять. Руки тряслись, а я все пыталась собраться.

– Я постараюсь недолго. Немного приберусь. Если хотите езжайте по своим делам. Тут недалеко идти. Я уже привыкла, – тараторила так быстро как могла.

– Все в порядке Эмма, – улыбнулся он. – И не торопитесь умоляю. Побудьте с сыном.

Хотела броситься на шею и благодарить не знаю за что. Поэтому, прошептав "спасибо" вышла.

Дорога была знакома и изучена до каждого камешка. Место на кладбище, это последнее на что у меня хватило денег. Даже оградку не могу поставить. Ухаживаю, как могу, но к этому ублюдку за помощью не пойду никогда. Конечно, если бы я не пила, возможно, накопила бы. Но мне сложно без этих вечеров беспамятства. Я слабая и прогнившая. Кто-то скажет, что и мать я такая же, а я не стану даже спорить. Я не мать. Я та, что не уберегла малыша на самом первом его этапе. И все эти последствия – это мой путь. Тот самый, что был уготован такой, как я. Потому и нет сопротивления.

Приняла.

Осознала.

Дошла на полусогнутых ногах. Душа уже обливалась кровью.

Вот оно, то самое место, где похоронено мое сердце. Где я в последний раз соприкоснулась со своей душой, а после потеряла ее на руинах моей прежней жизни. Мне тут и свободно дышать, и сложно одновременно. Рядом с ним, моим маленьким ангелом я не притворяюсь. Погибаю каждый раз, теряя рассудок...

Подошла ближе к кресту, на котором так и не появилось имя. Просто "Ангел". И упала на колени.

– Слезы не смоют мои грехи перед тобой сынок, но я так хочу, чтобы ты знал – мне жаль, милый. Мне так одиноко тут. Каждый день мне хочется быть с тобой. Я бы тысячу раз поменялась с тобой местами, но не могу. И мне так стыдно перед тобой за все, что я творю, но я не могу иначе. Не получается. Иначе просто с ума сойду, хотя, мне кажется, что я уже сошла... Я совсем одна, малыш, была и остаюсь. Даже тебя отняла у меня эта проклятая жизнь...

Положила цветы и вытащила игрушку.

– Посмотри котенок, это для тебя. Уверена, тебе бы он понравился. А эти цветы. Они такие красивые. Нежные. Я выращивала такие, когда ты был... когда был еще со мной. Малыш мой маленький. Скоро, я постараюсь поставить тут красивую оградку. Возьму, наверное, кредит. Поставлю лавочку. Буду приходить каждые выходные. Перестану пить,

малыш. Прости, что так редко... прости меня мальчик мой.
Я так виновата.

Упала на землю, подставив ладони под лицо и громко завыла. А потом, почувствовала ладони на своих плечах.

Глава 5

Александр

Эта женщина, вызывает самые разные эмоции. Хочется пожалеть, научить, поставить на место ее израненный мозг, повысить самооценку, обнять, успокоить. Такая хрупкая и такая ранимая. И вроде бы сломленная, но в тоже время твердо стоит, хотя ноги подкашиваются.

Как только вылез из машины я хотел пойти к матери. Мы хоронили ее на этом же кладбище. Но, выйдя на воздух услышал вой. Я был бы уверен, что это волчица где-то в лесу, но это было отчаянье женщины, что потеряла ребенка. И ведь сколько бы времени не прошло, ее рана будет свежей всегда. Но она не права. Она должна идти вперед. Хотя, что я знаю о ее жизни?

Ноги несли меня к ней. Сам не понял, как приблизился. Она говорила и говорила. Просила прощения, обвиняя во всем себя. Рассказывала о своей жизни и снова просила прощения.

Мне захотелось ее обнять, в эту секунду. Подарить поддержку. Мне казалось, что я чувствую с ней напололам, как только коснулся ее плеча.

Она напряглась. А потом села на землю и положила на мою руку свою ладонь.

Так и сидели. Пока она не заговорила.

– Он был крупным мальчиком. Мне врачи сказали, что роды будут тяжелыми, ведь там настоящий богатырь. А я смеялась и отвечала, что он сам поможет мне, потому что захочет поскорее встретиться со мной и не заставит мучиться свою мамочку, – всхлипнула и продолжила. – Я даже ничего не поняла. Он просто перестал шевелиться. Это я виновата. Никогда не прощу себя. Я подвела моего мальчика. Мою крошку... и все из-за... – снова слезы.

Я не перебивал. Просто слушал. Почему-то мне казалось, что она впервые говорит об этом кому-либо, помимо себя самой.

– Помню те три минуты. Они оказались самыми длинными и страшными в моей жизни... Поиск жизни и попытка услышать биение сердца. Каждая секунда била по оголенным нервам, но ничего не было. Как оказалось потом, и не могло быть. Просто ничего.

– Когда мне сказали, что его уже не спасти и нужно кесарево, я просто молчала и продолжала гладить живот. Мне начали совать какие-то бумаги, я все подписала. Потом повели в операционную, говорили со мной, а я осознала все, лишь когда они начали приготовления. Я стала просить их позвонить мужу, но мне не позволяли. Тогда я озвучила свою просьбу и попросила новый документ. Я хотела, чтобы мы вместе его похоронили. Клиника была платной, поэтому они согласились. Я просила их передать бумагу мужу, когда он

приедет, – она усмехнулась, – я ведь под наркозом буду. Идиотка. У меня даже вещей не было с собой. Проснулась одна. Тяжело отходила от наркоза. Надеялась, что мне приснилось все, а потом... потом увидела свой живот, которого почти не было, – перевела дыхание. – Позвала медсестру. Начала спрашивать о муже, вещах. Она лишь сказала, что никто не приходил, ничего не передавали. Спросила про сына, она сказала, что все в силе пока я не выпишусь. Сумку отдали, я сразу начала звонить Вадиму, но тщетно. Обзванивать подруг и искать его, было как-то стыдно. Плюс пережитое и плохое самочувствие. Заплатила медсестре, чтобы купила мне необходимое. Потом уже, на пятый день, наверное, в интернете увидела, что он ходит на приемы с какими-то дамами. Улыбается, – затряслась от всхлипов, – на камеры. Выписали на десятый день. Пришла домой, ключ не подходит, стучу не открывают. Вышла соседка, сказала, что там никого. Она была уверена, что мы переехали. Куда не знает. Денег было немного. Сняла с карты около пятидесяти тысяч. Поехала в недорогой отель, не баловала себя никогда. На следующий день отправилась на кладбище, договорилась с больницей и похоронила через день малыша. Одна. Никого не было. Стояла и была рада, что тут лишь я, принимая реальность.

Каждое ее слово вызывало желание растерзать всех вокруг. Меня бесила эта несправедливость, что окольцовывала эту маленькую женщину.

Эмма

Воспоминания картинками стали появляться передо мной, и я погрузилась в них, начав рассказ:

«В дверь настойчиво стучали, но каждое движение отдавалось тяжестью, будто мне к ногам прикрепили гантели по двадцать килограмм.

Открываю и вижу того, кто с некоторых пор стал образом дьявола для меня. А еще катализатором злости, слез, боли и разочарования.

Так странно. Моя любовь к нему казалась такой большой, но в один миг она просто испарилась. Растворилась в воздухе и не оставила ничего после себя. Но в моем случае я нашла прекрасную замену ей – ненависть.

Я научилась ненавидеть. И с каждым днем объектов для взращивания черных чувств становилось все больше.

– Зачем явился? – развернулась и пошла вглубь комнаты, увеличивая расстояние, между нами.

– Привет, дорогая. Как дела? Прости не смог проведать тебя, был занят.

– Лучше бы ты заткнулся. Чего надо, я спросила.

– Смотрю ты не в настроении. Что ж, тогда перейдем к делам. У меня тут документы на подпись.

Он стал говорить, а я погрузилась в пространство, лишь бы не слышать его голос.

– Ты слушаешь? Эй, – шелкает перед лицом. – Я говорю, фирма на грани. Ты запустила дела. Да и магазин требует внимания. Подписывай давай.

– Ты вообще человек? – дрогнул голос. – У нас же... у нас сын...

– А вот тут поправочка. У тебя, Эмма. У. Тебя. Нет нас, понимаешь? Это были твои иллюзии.

– Мерзкий... ты омерзителен. Ненавижу...

– Видела бы ты себя. Да меня тошнит от тебя. Еле выносил все эти годы.

Не могу больше, просто не могу его видеть. Не хочу.

– Подавай на развод. На суд не явлюсь. Подпишу все, что захочешь. Видеть тебя не хочу.

– О, так все готово уже.

Начинаю смеяться. Вот же ублюдок.

– Да-да, все уже давно готово.

– Давно?

– Пару месяцев. Сначала, если честно был иной план. Хотел обмен провести, но теперь все сложилось даже лучше.

– О чем ты говоришь? – не может этого быть. Пусть все окажется сном. Пусть это будет сон. Хочу проснуться. Не могу поверить. Как так? Как я могла не видеть его черное нутро?

Скручиваюсь в кресле и затыкаю уши, но злые слова проникают в уши.

– Согласись, ты бы променяла сына на все свои богатства?

А сейчас они тебе и вовсе не нужны. Так что, подписывай. Все равно обанкротишься скоро.

Готова кричать.

Хватаю ручку и подписываю все, что передо мной лежит.

– Выметайся отсюда, – кричу ему в лицо и толкаю. – Убий-райся.

Не успеваю замахнуться, как он тут же бьет меня кулаком в лицо, так сильно, что я валюсь на пол, перелетев через кресло, на котором только что сидела. Из носа хлещет кровь на пол.

Но и эта боль не отрезвляет меня, ни капли.

– Твои сраные вещи в общаге, адрес на столе. И не смей появляться на горизонте. Сгною тебя сука.

Хлопок двери и окончательное падение. Не из-за него, а из-за того, что я не научилась разбираться в людях, и это неумение привело меня к тотальному провалу, всей моей жизни».

Повернула голову к нему и посмотрела в глаза.

– Ты меня хотя бы слушаешь? – усмехнулась.

– Каждое слово, Эмма. Продолжай.

Глава 6

Александр

Она помотала головой. Указала мне на пенек, даже не заметил, что все это время сидел на корточках. Я сел туда. А она вытасила салфетки и стала вытирать лицо отвернувшись от меня. Снова опустилась на землю. На мои попытки пересадить ее отмахнулась. Потом перевела взгляд на цветы и продолжила.

– Дальше я продала вещи, они были брендовые, дорогие. Оставила немного на каждый сезон. В сумочках нашла еще наличку. В итоге тысяч двести у меня было. А дальше... начала пить. То соседи приходили знакомиться, то подруги писали о том, какая я тварь. Вадим перевернул историю, обвинив во всем меня. А мне было плевать. Посылала каждую. Так и осталась одна. Когда деньги закончились. Продала все золото, что было. Кроме обручального кольца. Его я просто выкинула. Время шло, я все сильнее уходила от реальности. Клубы. Новые знакомые желающие бесплатно выпить, было скучно одной... страшно оставаться наедине с собой и реальностью... Беспорядочные половые связи.

Она замолчала. Согнулась ниже к коленям и обняла их. Уже хотел приблизиться, но она резко подняла голову.

– Осуждаешь? – я промолчал, потому что, ответив «нет»,

а это было правдой, она бы не поверила. – Правильно. Я тоже. Если пока нет, ничего. Завтра утром, когда переспшишь с этими мыслями о том, что я рассказала, выстроишь цепочку событий, поймешь, что перед тобой недостойная женщина и еще менее достойная мать. Не прощу себя, ни за какой мой поступок. Потому что все то время, что я пьянствовала и пыталась забыть боль, я оставила своего мальчика одного. Потом приходила и вновь, видя место, где моя жизнь осталась, уходила в запой. Это яма. Мой ад. Черт. Я два года убивалась. Да и сейчас не лучше. Пью по выходным. Но этот день всегда оставляю для него. Он только наш.

Посмотрела на меня и опустила глаза на свои ладони, которые тряслись.

– Я держала его на этих руках. Холодного. Моего мальчика. И не могла расстаться. Я не могла поверить... Променяла бы всю свою жизнь лишь на миг, всего лишь мгновение побыть с ним. Увидеть его глаза, услышать его. А мне остался только шрам. Как клеймо, как напоминание о том, что я во всем виновата.

– Знаешь, – решил высказаться, потому что она вновь начала истерить, – я, наверное, первый, может быть, и нет, кто говорит тебе об этом, но ты не виновата Эмма.

Она посмотрела на меня измученным взглядом, таящим в себе вселенскую пустоту, и произнесла:

– Откуда тебе знать?

– Просто чувствую, что ты бы оберегала его всеми силами,

но никогда намеренно не навредила своему ребенку.

Она повернулась к кресту. Слезы катились по ее бледным щекам. Мы вновь замолчали.

Потом, Эмма встала и начала вырывать траву, приводить в порядок участок. Я присел и стал ей помогать.

Меня посетила мысль помочь ей облагородить тут все.

– Эмма, можно задать тебе вопрос?

– Конечно. Но не обижайся если не отвечу.

– Я бы хотел помочь тут, поставить памятник, выложить плиткой. Не знаю. Что ты хотела еще. Наверное, заборчик какой-то. Ты примешь эту помощь?

– Зачем? – еле слышно спросила она, потупив взгляд.

– Просто хочу, чтобы здесь было красиво и с любовью.

– Я могла все это сделать через год, два. Если бы оставила деньги от продажи вещей. Но потратила их на самобичевание. Ублажала свои прихоти. Я не шлюха Саш, не брала деньги никогда. Пусть обо мне говорят всякое, – замолчала, а потом добавила, – хотя, какая разница. Ты хотел помочь? Я буду рада. Хотела взять кредит, но боюсь не смогу его выплатить. Так что, спасибо тебе.

– Это тебе спасибо, что согласилась принять.

Мы вместе закончили убирать сорняки. Еще немного посидели. Молчали или говорили, но было в какой-то степени комфортно. Эта женщина сильная, даже несмотря на то, что оступилась, не сумев принять боль. Осуждаю ли я ее? Нет. Ни капли. Сочувствую.

– Теперь твоя очередь сходить со мной.

– Куда?

– Тут недалеко моя мама.

– Конечно. Пойдем.

Придя на место, мы не говорили. Эмма стала так же прибираться. Хотя травы почти не было. Тут была плитка. Красивый гранитный памятник с фото, улыбающейся женщины.

Сели на лавочку. Первой решила нарушить тишину Эмма.

– Она красивая. Такая яркая.

– В жизни она была еще ярче. Добрей ее не видел никого и никогда.

– Ты похож на нее. Не копия, но многое... – она повернулась и стала рассматривать лицо, сравнивая с фото, а я сам впитывал ее черты лица. – Да. Похож. И мне жаль. Я вижу дату, но уверена, что она ничего не решает. Так ведь?

– Ты права.

– Значит и через десять лет, боль пульсирует и не отпускает.

Сказала и уставилась в одну точку.

– У нее был рак. Когда узнали, не поверили. Обратились еще в десять клиник, но везде говорили одно и то же. И деньги были, и связи, и вера, а по факту, ничего из этого не пригодилось. Три года и все.

Воспоминания били не щадя. Когда мама перестала нас узнавать, или забывала себя саму, все стало хуже. Сложнее. Нервы и страх переплетались тогда, мы выносить друг друга

с отцом не могли. Просто не могли посмотреть в глаза, потому что в них мы бы видели эту правду. Наверное, тогда, изредка приходя в себя и мама опустила руки. Больше не было той женщины, которую мы знали.

Эмма взяла меня за руку. И я был ей благодарен.

Выезжая, я решил, что нужно пообедать. Мы провели на кладбище три с половиной часа. Эмма согласилась, но на кафе, за городом, которое мы проезжали по пути сюда.

Я в общем-то тоже был не против.

Эмма

Как же давно я не говорила. Не в смысле поболтать, слушая вполуха и зная, что тебя так же откровенно не уважают. Тут другое, когда ты говоришь и слушаешь одновременно, с интересом. Мне хотелось делиться и получать в ответ такое же откровение. Было легко. Странно легко. Показалось, что не до конца этот мир сошел с ума и не все продалось во власть злости, грубости и мерзости.

Александр приятный собеседник. Со своей болью, радостью, восприятием мира. Увлекательный и умный. Мне тоже было, чем поделиться.

– Извини, но, когда узнавал твой адрес узнал и о твоём детстве, – аккуратно начал он, – ты сирота? То есть родители. Они есть или...?

Конечно было странно говорить с посторонним челове-

ком. Понимаю, что мы не будем друзьями и у него своя жизнь, но сегодня притворимся, что мы не два чужих человека. А поплакать я смогу ночью.

– Да сирота. Родители скорее всего были по очевидным причинам моего происхождения, – немного улыбнулась, – но в детском доме я провела всю свою жизнь. Мать отказалась еще в роддоме. Я ее не искала. Благодарна за жизнь, но искать не пробовала. Не вижу смысла. Не потому, что в обиду, просто она когда-то приняла решение и всегда могла вернуться, а сейчас такое решение приняла уже я.

– И даже не интересно? Ну там, причину узнать.

– Нет. Иногда бывает накатывает. Но отпускает быстро. В основном, когда выпью и начинаю листать страницы жизни, либо проклиная все, либо ища радость от моего существования.

Мы замолчали.

– Расскажи о себе. Сначала.

Посмотрела на него пытаюсь понять, в чем смысл его вопросов, а потом решила, что, если он тут, значит он сам так решил. И, если не ушел, значит он ждет ответ на свой вопрос.

– Ладно. Сколько себя помню, я росла в детском доме.

Мой рассказ не был очень длинным, но я рассказала все, что считала интересным. О том, как росла в детдоме, как было страшно в мире, который всегда казался мне таким далеким, пока за тебя думают.

Как маленькими шагами открывала свой магазин и потом

уже фирму доставки.

Знакомство с мужем произошло, когда я заключила контракт с курьерской службой. Он был ответственным за него. Был представителем.

Вскружил голову, показал любовь, о которой я и не думала, создавая свое дело. Даже на свидание пошла впервые с ним же.

О подруге, которая стала моей душой. И как жестоко покинула мою жизнь, когда я нуждалась в ней больше всего.

– А как все произошло?

– Ну, мы планировали переезд в Питер, я уже была там. Купили квартиру на мои же деньги. И нужно было уехать снова в соседний город по делам фирмы, а Вадим был еще в Москве. Сказал, что у него дела. Я с огромным животом все-таки поехала. В самой поездке, ночью, я получила сообщение с неизвестного номера. Иногда жизнь может удивительным образом баюкать в своих руках окружая заботой, а потом бах... и бросает тебя на пол, разбивая на осколки.

Смазанное фото, мужа, или быть может нет, с какой-то девушкой.

В любом случае, такое известие меня потрясло. И потрясло реально, от кончиков пальцев ног, до кончиков волос.

Как ненормальная стала звонить, писать ему. Заказала билет на самолет, полночи провела без сна. Оставшуюся часть этой ночи уговаривала себя успокоиться.

Все было окутано пеленой страха, злости, разочарования.

Мне нужны были ответы, а их мне дать никто не мог, и никто не хотел. Кому звонить? Если все, что мне было нужно сейчас – это муж.

Но гудки били меня по мозгам, словно я была гонгом и растекались по коже и нутру.

Чертово фото было изучено вдоль и поперек, именно так я узнала черты своего мужа.

Самой большой ошибкой стал самообман.

Весь этот рой мыслей затмевал то, что происходило внутри меня. Вот о чем, точнее о ком я совсем забыла в эти мгновения.

Забыла...

– Извини Эмма. Не стоило мне спрашивать.

– Нет, нет, просто слишком глубоко погрузилась. Ты задал вопрос, а я выложила всю свою биографию.

– А вернуть не пыталась? Все-таки он отобрал то, на что не имеет права...

– Нет. Не пыталась и не стану. Не хочу связываться с ним. Да и, если бы он не взял все в свои руки, я бы потеряла бизнес просто так. Потому что управлять им уже не смогла.

– Но сейчас, ты же окрепла. Мне показалось, что ты готова вернуться в эту жизнь.

Хм... Готова ли я? Нет. Меня все устраивает.

– Тебе показалось, потому что увидел меня трезвой и не видел в воскресенье.

– Если ты вдруг захочешь поговорить или съездить к сы-

ну, позвони мне, – протянул визитку.

– Спасибо, – ответила зная, что никогда этого не сделаю, – обязательно. А теперь ты. Я рассказала тебе всю свою жизнь. Твоя очередь.

– Ну, я один в семье ребенок. Родители поженились очень молодыми. Отец создал компанию. Мама была рядом постоянно. Я появился у них, когда им было по двадцать два. Учеба в школе, университет, и дальше работа в фирме. Когда мама заболела отец отошел от дел, чтобы ездить с ней то в Германию, то в Израиль. А после смерти не стал возвращаться. Сейчас он живет со мной. Периодически навещается в офис и помогает советом.

Он замолчал, а я все ждала, когда он продолжит и поняла, что это все.

– Какой-то маленький рассказ получился.

– Рассказал все, как есть. К тому же скоро свадьба. Пора заводить детей, да и отец внуков жаждет.

Эх. Не удивляюсь. Такой-то мужчина.

– Здорово. Поздравляю. И когда торжество? Подарю вам именные кружки.

– Спасибо. Свадьба через полгода. Девушки хотят сказку и готовы ждать то ресторан в назначенную дату, то место для торжества.

Что-то мало энтузиазма в его голосе.

– А что не так?

– Что?

– Ну ты, как-то не выглядишь... счастливым что ли. Или это договорной брак?

– Хочешь, чтобы я прыгал вокруг себя и показывал тебе на телефоне мой костюм?

– Нет, но, – придется отступить, не хочет рассказывать. – Ладно. Не стану лезть в душу.

– Все в норме. Просто, это обычный брак. Ксения отличная партия для меня.

– Вау. словно ты пару обуви подобрал к брюкам. Хотя, не мне о таком рассуждать. Мне под носом изменяли и пинком под зад выставили отовсюду, так что... Желаю счастья.

– Будешь еще что-нибудь?

– Нет. Я наелась. Спасибо за обед.

Саша расплатился, и мы поехали в сторону моей обители. Машина в нашем дворе смотрелась, как динозавр в мегаполисе. А мне стало неловко, что он тут. Но я была благодарна за эти часы. Потому что, как только я войду в комнату, моя реальность обрушится на меня, и я стану вновь собой.

Попрощались без сантиментов. Провожать меня я не позволила. Хватит с меня уже. Хочу остаться одной. Мне ни к чему все это. Самая большая глупость позволить себе мечтать и самое огромное предательство думать о том, что я хочу быть счастливой. Нет уж.

Знакомые стены, та же атмосфера, та же я.

Зашла в комнату и меня тут же отхватила вселенская тоска. В голове кружили мысли о том, что было, что не сбылось

и от чего отказалась.

Я закопала себя. Намеренно шла вниз, не поднимала голову выше и главное не старалась себе помочь. Мне не нужен был выход. Я не понимала почему должна идти дальше? За что мне бороться? Мне больше некого разочаровывать. Я одна по всем фронтам. Меня поглотило горе, и я не буду страдать из-за этой пустоты. Плевать на других, кто осуждает, презирает, ненавидит или жалеет. Мне никто не нужен, так же, как и я никому.

Подошла к шкафу и вытащила оттуда коробку, хранящую остатки бывшего счастья.

Открыла и прошлое вырвалось наружу. Стала рассматривать фотографии. На меня смотрела красивая девушка. В ней была жизнь. Она лучилась солнцем и счастьем. Ее руки лежали на уже большом животе, а глаза таили в себе любовь и нежность.

Как переменчива жизнь. Тогда у меня не было сил отомстить Вадиму, а сейчас желания мараться об этого гнусного человека.

Нет. О нем я сегодня думать не стану. Мне хочется выпить. Мой ежегодный ритуал. Ни капли в этот день.

Я еще долго сидела, склонившись над детскими вещами вперемешку с фото и погремушками, с которыми так и не смогла расстаться.

Плача, улыбаясь, сожалея, пока не сморил сон.

Утром я встала очень рано. Нашла то, что покупала с зар-

платы на этот день и со словами: «Прости меня», – опрокинула рюмку.

Глава 7

Александр

Это был странный день, и он принес новые решения вместе с вопросами, на которые обязан найти ответы. Я проникся сочувствием к этой молодой женщине. Мне было жаль ее и произошедшего с ней, но я был против ее желания закопаться в этой боли и забыть о себе и о жизни. Она слишком долго варится в этом котле. У нее пропал стимул жить, что не удивительно. Я должен что-то сделать. Мне нужен совет. Но кому я могу доверить эту историю?

Отец.

Он поймет. Я не рыцарь и не герой, но сейчас я так хочу помочь ей. Она достойна.

Вернулся домой поздно, потому что решил покататься по городу, проветрить голову.

Отец нашелся в гостиной за просмотром телевизора. Медленно подошел и остановился напротив него.

– Ты сегодня поздно, – посмотрел так, словно уже что-то понял.

Шумно выдохнул и стал стягивать галстук ослабляя узел.

– Не смотри на меня так, сам расскажу. Только переоденусь и приму душ.

– Знаю, потому и ждал, когда заговоришь. Чай?

– Не откажусь. Я скоро.

Быстро помылся и одел домашние штаны с футболкой, спустился вниз и сел в кресло. На журнальном столике уже стояли чашки с дымящимся чаем и печенье. Папа молчал, ждал, когда соберусь и начну.

– Мне нужен совет. Дело серьезное и даже личное.

– Догадался уже. Иначе ты бы ко мне не пришел, – глянул пристально, усмехнулся сам себе и договорил. – И это не работа.

– Как догадался?

– По поводу фирмы ты не подбираешь слов, а просто говоришь. Женщина?

– Женщина.

– Я готов. Чем смогу помогу.

Я рассказал обо всем. В том числе и своих намерениях.

Мы сидели молча и думали. Не знаю, чего именно я хотел от отца придя к нему, возможно просто одобрения, потому что уже подсознательно знал, что я не отступлю.

– Ты ведь понимаешь, что это сложно будет сделать? Тем более, если ненавязчиво.

– Понимаю. И не знаю с какой стороны подойти.

– Почему ты хочешь ей помочь? Я понимаю, что она твой сотрудник, и ты всегда заботишься о своих подчиненных, но тут ведь другое?

– Ты сам знаешь почему. Я хочу это сделать для нее. Мне искренне жаль. Я считаю, что она достойна этой помощи.

Он просканировал меня, будто оценивая ответ и истинные намерения, понимая, что они верны, качнул головой.

– Приведи ее на ужин к нам.

Только не это. Он настолько прямолинейный человек, что становится заранее страшно из-за того, что он может ей наговорить.

– Зачем? Она сразу поймет, что я тебе все рассказал.

– Тогда придумай легенду, чтобы не поняла. Я хочу с ней познакомиться.

– Но, что ты мне скажешь обо всем что я тебе рассказал?

– На данный момент я говорю тебе, что хочу с ней познакомиться.

– Ладно, – спорить бесполезно, – завтра увижу ее на работе и поговорю, если она не успеет уйти до моего прихода.

Медленно допивая чай, я уже хотел уйти спать, как отец обозначил мои мысли вслух.

– Надеюсь ты понимаешь, что может и не получиться, если она сама не захочет?

– Понимаю.

– Ей нужен стимул. Крепкий и очень серьезный.

– Я справлюсь, отец.

– На счет тебя я уверен, проходили. Я о ней.

– Спокойной ночи, пап, – подошел и поцеловал его в макушку, слегка приобняв.

– Спокойной ночи сын, – погладил по руке в ответ и отпустил.

Я переживал. И много думал прежде, чем сон накрыл с головой. Последняя мысль была лишь о том, что все получится, она справится.

Ночь не принесла удовольствия, поэтому проснулся в скверном настроении. Утро началось с кофе.

Дорога в офис была обычной. Народ потихоньку заполнял этажи, но единственная, кого я так ждал отсутствовала, как казалось по уже понятной причине.

Быстро справившись с мелкими делами, вышел из офиса. Сегодня день был разгружен полностью. Заграничные гости заставили побегать и сделать работу на неделю вперед.

Маршрут был знаком, а открывшаяся картина нет. Я вошел в приоткрытую дверь и увидел Эмму, нависающую над какой-то коробкой с рюмкой в руке. Были слышны рыдания и невнятная речь.

Я стоял и думал: «С чего начинать?»

Вот она, обратная сторона ее существования. Подошел ближе и увидел разбросанные по полу фото, детские вещи и игрушки. В ее руках был снимок 3D УЗИ. Ком застрял в горле.

Присел за ее спиной и положил ладони на плечи. Девушка не среагировала вообще, будто в трансе.

– Эмма, – позвал ее тихо.

Она напряглась. Попыталась повернуться и чуть не завалилась на бок.

– Ты кто такой? – спросила заплетающимся языком, – по-

шел нахрен отсюда.

Слабый рывок. Попытка выйти из захвата рук.

Стала кричать.

– Убирайся отсюда, – руками пыталась зацепиться за меня, но я уклонялся. – Не трогай меня.

Крики смешались с рыданием, и она обмякла.

– Уходи... Уходи отсюда... – отчаянная мольба.

Она так и не увидела, что это был я.

Я сел на пол и притянул ее к своей груди, обнимая руками.

Она сжалась в комок и подтянула к себе ноги.

– Все будет хорошо... – прошептал ей, еще крепче сжимая содрогающееся от рыданий хрупкое тело. – Обещаю...

– Не будет... никогда не будет, – услышал еле тихие слова.

Эмма обхватила мои сомкнутые руки своими и будто прижалась еще плотнее, словно куталась в мои объятия.

"Господи, девочка, как давно тебя обнимали? Как давно ты чувствовала себя комфортно и в безопасности... Защищенной? Сколько потребуется времени, чтобы ты поверила хотя бы в себя?"

Уснула она практически сразу. Взял ее на руки и положил на старую кровать, которая больше походила на грудку досок и тряпку вместо матраца.

Так и хотелось кинуть сюда спичку и сжечь дотла это место.

Но все впереди. И начало нужно положить сейчас. Точнее через пару часов, как она проснется. Так больше нельзя.

"А кто ты такой, и зачем тебе это?"

Вопрос интересный, но отвечу я на него потом. Хотя смысл уже мне ясен... самому бороться приходилось...

Сходил в машину взял ноутбук и вернулся назад, борясь с самим собой, ждать пробуждения или вернуться позже?

Но войдя в комнату, решение было принято на месте.

Поэтому я устроился на стуле и принялся за работу.

Честно говоря, я видел мало смысла в том, что я тут, а не в другом месте, но иначе, она может проснуться и снова приложиться к стакану.

Дрянь я выкинул, поэтому жду.

Девушка иногда шевелилась, иногда выдавала стон похожий на болевой, и я отвлекался, подолгу рассматривая ее.

Она не была красоткой. Во всяком случае сейчас, когда под глазами залегли синяки, а тело не стройное, а скорее болезненно худое.

Но ее лицо вполне милое. Пухлые, бледноватые губы, большие темно-серые глаза, но цвет такой, насыщенный с вкраплениями зеленого.

"И когда ты успел это все разглядеть?"

Интересный вопрос, на который я не знал ответ.

И вот, я в очередной раз засмотрелся и задумался, отвлечшись на нее.

Я по-прежнему не знал, как приглашу ее на ужин и конечно, не думал о том, как приведу ее. Потому что она будет спорить, отказываться, и упираться. Какие у меня аргумен-

ты? Те, что есть, она не примет, а другие я придумаю потом.

Два часа пролетели незаметно. Стул не самое удобное место в этой комнате, благо моя работа приучила к подобным неудобствам, но и завалиться на кровать, рядом с девушкой я не хотел.

В итоге проснулась она примерно в три.

– Твою мать, – приподняла голову и посмотрела на пол. – Где чертовы часы?

Запуталась в простыни и стала ногами скидывать ее с себя. Оголяя стройные ножки в коротких шортах.

Меня, она по-прежнему не замечала. Как только у нее получилось справиться с мешающей тканью, она закрыла лицо руками.

– Какого хрена я так рано уснула? Весь день теперь маяться.

Села, свесив ноги, протирая глаза и громко зевая.

Мне даже смеяться захотелось. Удобно она поставила стул в ногах кровати, в углу.

Потягивается, поднимая руки вверх, и резко падает на спину назад. Вырез на ее прозрачной майке растянулся и приоткрывал вид на маленькую, но явно аккуратную грудь, с темными сосками.

«Слишком многое ты видишь и замечаешь!»

Может потому, что я мужчина и нам свойственны подобные черты?

Через секунду, она смотрит мне в глаза и ее лицо превра-

цается в смешную гримасу с явным «О».

– Это меня что, белка посетила?

– Нет, Эмма.

– Охренеть, – продолжает лежать не шелохнувшись.

Потом резко подрывается и переходит на ультразвук.

– Какого черта, ты тут делаешь?

Эмма

На удивление проснулась с не очень тяжелой головой, но думала, что, будет хотя бы ночь.

Ненавижу просыпаться посреди дня. Потом либо нечем заняться, либо плохо засыпаешь ночью, а с утра снова рано вставать и шагать на работу.

Воздух пропитался каким-то ароматом, который я никак не могла угадать. Встала и снова упала. Даже шевелиться не хотелось, но, когда открыла глаза, даже малейшие эмоции отключились, потому что я была уверена, что не пьяна в данный момент. И значило это лишь одно...

– Какого черты, ты тут делаешь?

Сидит не шевелится.

Я ненавижу людей, которые вызывают во мне эмоции, а тем более злость.

Меня раздражает его внимание, его нахождение на моей территории.

– Я вопрос задала. Нечем заняться? Купи себе ферму и

стереги овец, а не людей.

Сидит лыбится, а я практически сатанею от этого.

Отворачиваюсь от него, рваными движениями стягиваю резинку для волос с запястья и заплетаюсь. А стоило опустить голову вниз, увидела, что я в своей долбанной майке.

– Черт...

Вытаскиваю из шкафа безразмерную кофту и напяливаю на себя.

– Так и будешь сидеть? – спрашиваю, повернувшись к нему.

Осматриваю пол и вижу, что все собрано обратно в коробку и аккуратно стоит на столе. Выдыхаю и аккуратно забираю ее.

Ставлю назад, где храню свою память и уже более спокойно продолжаю.

– Я серьезно. К чему эти визиты? Хочешь уволить, пожалуйста, но в гости я не приглашала.

– Не выпускай колючки, Эмма. Я приехал понять, почему ты не вышла на работу. И не смог оставить тебя вот так, одну.

– Да брось. Ты отыграл на пять с плюсом. Карма очищена, а теперь можешь возвращаться туда, откуда приехал.

– И даже чаем не угостишь?

– И потом быть виновной в твоём гастрите? Нет уж, спасибо. Могу дать стакан с водой.

– А еще я голоден. Просидел тут, – смотрит на свои дорожные часы, – почти три часа.

– Вот, еще и искривление позвоночника на меня спи-
шешь.

– Эмма, я заказал нам обед.

Стискиваю челюсти, лишь бы не сказать то, что сейчас так
и просится наружу.

– Послушай, я оценила поступок. И спасибо, что приехал,
покараулил комнату и мой вполне нормальный сон, а осо-
бенная важность тут в том, что я не просила тебя об этом,
но тебе пора. У меня куча дел.

– О, правда? – вдруг оживился он. – Что ж, обожаю решать
чужие дела. Как раз обсудим субботний ужин.

А ведь я решила, что он нормальный и не тянет на при-
дурка.

Делаю глубокий вдох, потому что ситуация и впрямь по-
лучается более чем выводящей меня из себя и проговариваю
четко и конкретно:

– Давыдов, я не знаю, что за игру ты затеял, но если дума-
ешь, что сможешь продолжить, то хрен тебе, понял? Ты мне
никто и не смей больше приходить сюда. Я никого не звала,
а тебя тем более.

– Эмма послушай, – встает со стула немного ошарашен-
ный, – прости, что вот так заявился, но я правда испугался
за тебя, когда узнал, что на работе ты не появилась. А когда
приехал, уйти не смог.

– У меня все нормально, – поднимаю руки и указываю на
себя. – Убедился? На выход.

– Давай пообедаем, поговорим...

– Да не стану я с тобой говорить, – все, срываюсь и кричу. – Ты что решил, что после моего рассказа, я тут стану тебе еще раз душу изливать? Я потому и сторонюсь вас таких доброжелателей. Сколько вас было? К черту ваши сопереживания, мнимые знаки помощи. Фальшивки вы все. Уходи и не смей больше тут появляться, заявление об уходе принесу завтра и две недели отработаю, как положено. Ваша компания у меня уже поперек горла стоит.

Отхожу вбок от двери и показываю рукой.

– Эмма, я не святой и им быть не хочу, да и не буду. Доказывать тем более.

– Да и не надо.

Я видела в нем словно пламя разрастающееся. Он злился. Глаза стали блестеть, а руки автоматически сжались в кулаки.

"Ох, черт. Если еще и по морде получу, буду знать, как разговаривать".

Его энергетика вмиг заполнила пространство темной дымкой, что даже воздух застревал в горле.

Стоит еще пару секунд, активно сжимая челюсти и вылетает из комнаты ураганом.

Захлопываю дверь и выдыхаю.

– Е мое...

Александр

Чего мне стоило выйти оттуда без последствий? Тысячи нервных клеток.

Как только она повысила тон, я тут же хотел среагировать. Приоткрыть все свои двери, за которыми спрятаны самые развратные картинки. Я мысленно уже запустил руку в ее волосы и сжал их до первого ее болезненного стога.

И он был бы, как сигнал к действию.

Страхиваю с себя морок и быстрым шагом направляюсь к машине. Если не уеду, то вернусь, а если вернусь...

Выруливаю на трассу и несусь за город. Мне нужно остыть. Телефон разрывается от звонков.

"Ксения"

– К черту.

Отключаю звук и продолжаю движение.

Давно меня так не накрывало.

И я не злился в этот момент, нет. Это не злость. Это чертово желание. Некий рефлекс. Я не садист и не любитель жесткого секса, но моя жизнь не всегда была гладкой и размеренной, как сейчас. Однажды...

Нахрен. Нужно успокоиться. Я бы продолжил с ней спор, но если бы мы его не закончили через пару минут, то оказались бы в постели.

Это своего рода ролевая игра, и Эмма, черт возьми, идеально подходила на роль той, кого хочется иметь, наказывая за слишком длинный язык.

Остановился на развилке дорог и вышел из машины. Не помогали ни вдохи, ни выдохи. Лучше поеду в зал. Вот там я и выгоню это дерьмо из себя.

Быстро сажусь в тачку, выруливаю назад и еду в город, при этом думая о ней. А я ведь так и не пообедал.

Зато после сегодняшнего дня, я еще более уверен в том, что я ей помогу и уж точно не брошу, даже после тысячного «Мне не нужна твоя помощь».

Эмма

Чего ему нужно? Что все это вообще было? Господи, я с ума схожу?

Нихрена не понимаю.

Брожу по комнате в поисках смысла и не нахожу его.

Я не верю в добрые поступки. На добро остались способны только невинные существа этого проклятого мира – дети. Остальные, прогнившие насквозь лицемеры.

«Не делай добра, чтобы быть уверенной в том, что никто не сделает тебе зла!»

Как же я устала.

Прикрываю глаза и хочется кричать.

Да, Саша был милым, понимающим, утешал, но его понять я просто не могу. Он нелогичен.

«Тогда почему становится отчего-то стыдно?»

Повела себя, как истеричка.

«Давно ли тебя стало интересовать чужое мнение?»

Вопрос без ответа.

Он наводит смуту в голове.

Нет уж, пора уходить из этой компании. Все равно Кристина меня в порошок попытается стереть после того, что случилось.

Надо сходить в душ, освежиться.

Не успеваю даже встать со стула, как в дверь стучат.

Лениво прохожусь по моим метрам и застываю открыв. На пороге стоит доставщик из крутого ресторана, судя по наименованиям, красующимся на бумажных упаковках.

– Добрый день, ваш обед.

– Здравствуйте. Простите, но человек, который это все заказал уже уехал, а платить я не стану, да и нечем.

– Все уже оплачено, – протягивает мне четыре увесистых пакета. – Приятного аппетита.

Принимаю с ошеломительным «спасибо» и чуть ли в обморок не падаю от запаха, который в миг окутал меня.

А вот теперь стало нереально стыдно. Он и правда провел около меня столько времени?

Блин.

И что теперь делать?

Может проснуться не мешало бы?

Выкладываю на стол еду в красиво упакованных фирменных биксах и пребываю в шоке.

– Да тут половину общаги можно накормить.

И все так вкусно пахнет, и так выглядит, что не хочется трогать. Два гарнира к рыбе и мясу. Два супа. Два салата и отдельно четыре соуса.

– Интересно, как долго все это можно хранить в холодильнике?

Потому что я не съем все это, значит оставим на другие дни.

Первым делом уплетаю обалденно запеченную рыбу и немного риса. Один из соусов шел именно к этому великолепию, так что я объелась до отвала, но моя совесть грызла меня все сильнее.

Может быть приготовить ему пирог?

«Ну да, и притащить на работу, куда тебе даже подняться не дадут и будешь стоять на проходной со своим идиотским пирогом, который он просто выбросит».

Отгоняю все дурацкие мысли и решаю к черту уволиться, и конец мучениям.

Хотя изнутри идет волна стыда при осознании того, в каком виде он меня застал и остался со мной, просидев на стуле три часа. Я могу сколько угодно быть неблагодарной и делать вид что не заметила этого, но внутри меня теплится огонек, к этому странному мужчине, что был рядом уже второй день. Он сумел вытащить из меня всю историю жизни, при этом не прибегая к гипнозу и не пытая меня.

Сама. Я все рассказала сама, потому что захотела. Я доверилась впервые за такое длительное время.

Глава 8

Эмма

Проснулась, на удивление, странно бодрой.

Я не до конца уверена в том, что это заслуга Саши, но какое-то волнение и подъем духа присутствует. Как он это сделал я не знаю.

Его приглашение на ужин, а это было именно оно, меня конечно поразило, хоть я и уверена – это не свидание. Он не похож на изменщика. Тогда что это? Акция добра? Ладно, к черту.

Одеваюсь, причесываю волосы дольше обычного, замечая блеск в глазах.

Ночью, пока мучилась без сна, я поняла, что мне нужно извиниться перед ним. Видимо, это тяготит меня и не отпускает.

Добираюсь до работы, меня встречает как всегда любезная и приятная Юлия, болтаем пару минут, и я ухожу махать шваброй.

Когда время приближается к девяти. Я поднимаюсь на этаж Кристины и радуюсь, что она на месте. Хотя, увидев ее перекошенное от злости лицо, понимаю, что тут мне явно не рады.

– Кристина Анатольевна, здравствуйте.

– Чего тебе?

– Хотела написать заявление об увольнении...

– О, да неужели? Думаешь я бы не стала тебя увольнять сама? Ты вылетишь отсюда без зарплаты и больше не сможешь устроиться никуда, – она сатанеет с каждым словом, а мне почему-то становится забавно от этой ситуации.

– Уверена, что имеешь на это право?

– Ты, чертова дрянь. Ты опозорила меня перед Давыдовым. Я тебя уничтожу. Какая-то поломойка и шлюха...

– Заткни свою пасть, – сука завела меня и теперь не успокоюсь пока не выскажу ей все, что я о ней думаю. – Пока ты пыталась пробиться своим гнилым ртом и наконец-то стать главой паршивого отдела, я зарабатывала втрое больше тебя. Тебе такие деньги даже не снились. Я держала магазин и службу доставки, и никто мне не помогал. А ты сидишь тут и хвалишься собой, унижая других? Идиотка ты, самая последняя. Ты хоть копейку отдала на благотворительность? Ты хоть раз была в детском доме? Что ты еще можешь помимо того, что собирать сплетни и разносить их по свету?

Сидит смотрит на меня, явно не ожидала от меня подобных речей.

– Да насрать мне на эти детские дома и тех, кто там живет. Я думаю о себе, потому что никто не будет думать за меня. И к черту твою благотворительность. Я знаю кто ты такая. Все знают кем был твой муж и ты. Так что же, приписываешь теперь себе его заслуги?

Начинаю смеяться от того, что люди способны верить в такое.

– Ты еще более глупа, чем есть. Ты просто идиотка. Так рьяно защищаешь Вадима? Слов нет просто. Я только не понимаю, почему? Почему ты так веришь ему и в него?

Она смотрит на меня пытаюсь найти слова, но на лице я вижу ответ.

– Господи. Только не говори... – закрываю рот рукой и хочу рассмеяться, но гораздо больше мне хочется ей сказать о том, как она ошибается на его счет.

Кристина может быть влюбленной в него, и я ее ненавижу, но я не желаю ей участи, что постигла меня.

– Послушай, – говорю спокойно. – Выброси из головы все это дерьмо, Кристина. Я серьезно. Ты создала себе идола, но ты не права. Не связывайся с ним ни в коем случае. Можешь не верить мне, можешь презирать, но просто попытайся и искорени эту глупость из своей головы. Он подонок.

– Да кто ты такая, чтобы я тебя слушала? Алкоголичка, – встает со своего места и медленно обходит стол, приближаясь ко мне, – шлюха, которая трахается со всеми подряд. Тварь, которая несмотря на беременность поехала к любовнику... – не выдерживаю и в один шаг встаю перед ней, бью ей хлесткую пощечину.

– Не смей упоминать моего ребенка, сука. Не смей вообще говорить обо мне, дрянь.

А я ей тут помочь еще хотела.

– Ах ты, – замахивается, я уже готовлюсь увернуться от удара, как вдруг меня резко разворачивают чьи-то руки и переставляют на другое место от нее подальше.

Оборачиваюсь и вижу, что Давыдов наступает на притихшую в миг Кристину.

– Ты что здесь устроила? Какое имеешь право так обращаться с сотрудниками моего офиса? Моей компании, – такой он и его голос меня пугали. Не хотела бы стоять на месте Кристины.

– Я... Александр Матвеевич... Я не... это все она. Ее нужно уволить немедленно. Она не выполняет условия трудового договора. Ведет непотребный образ жизни и еще...

Тут он ее перебивает:

– Немедленно замолчала и слушай меня.

Замолкает и поворачивается ко мне.

– Эмма Витальевна, подождите пожалуйста за дверью.

Киваю и выхожу.

Не знаю какие чувства меня одолевали больше. Злость или осознание того, что я и впрямь конченный человек, недостойная жить среди «нормальных» людей. Это я не об этой сумасшедшей.

Захожу в свою комнату. Хотя это описание неправильное. Комната вполне нормальная. Большая. Тут и диван, и приличная кухонька. Вот мое место.

Остается лишь одно. Все-таки уволиться, отработать две недели и все. Найду что-нибудь ближе к дому.

А еще... не успеваю подумать дальше, как в комнату входит Александр.

– Ты как?

Осматривается кругом, видимо отмечая, что позаботился о своем обслуживающем персонале.

Усмехаюсь от его вопроса.

«А как я? Как ответить на этот вопрос?»

– Нормально все. Думаешь не привыкла к подобному?

– Больше она не станет позволять себе подобного.

– Это лишнее. Она такой человек и все. Невозможно заткнуть каждого, кто так рьяно стремится кинуть камень в мою спину. Выговор не решит ничего.

– Она тут больше не работает.

– Забавная шутка.

– Я не шучу.

Садится на стул, напротив обалдевшей меня.

– Я все равно увольняюсь, так что все это лишнее.

– Не хочу, чтобы в моей компании работали люди подобные ей.

– Хватит, – ощущаю пустоту и усталость. Снова его тон, снова это отношение ко мне.

– Что?

– Хватит, делать вид, что ты мне друг.

– Эмма, я никогда не делаю ничего против своей воли. И не собираюсь так поступать.

– Значит просто перестань. Ты разве не видел? Не видел, что там было? Не слышал? К черту вас всех. Я привыкла быть одной. А они любят вытирать ноги, о таких как я. Ты и сам видел меня вчера. Разве не противно?

Выдыхает устало и откидывается на спинку стула.

– Думаешь, что я не понимаю тебя?

– Нет, я думаю, что ты отличный актер.

– Нет, Эмма, понимаю. Однажды меня спас отец. От меня самого. Я знаю это чувство – потери себя.

Замерла слушая, потому что я просто не верила. Не верила, что однажды он был как я, в таком же месиве, этой гребаной колыбели жизни.

– Я принимал наркотики, Эмма. Пил, трахался, нюхал это дерьмо, лишь бы не думать о том, что моя мать умирает и я бессилён ей помочь. Я видел ее каждый день, зная, что однажды ее не станет, и когда наступит новый, ее уже не будет. Что я проснусь, и она уже не улыбнется мне, как делала это все эти годы. не спросит сварить ли мне кофе. Многое станет иначе, в тот день, когда я ее потеряю. Так и было, Эмма...

– Боже... – заткнула свой рот рукой, чувствуя, что сейчас разревусь.

– Ты выпьешь со мной чай? Это не очень длинная история, так что не задержу надолго. Если тебе интересно, – криво улыбнулся.

Сейчас мне почему-то казалось, что мы поменялись местами и он очень нуждается во мне. Я не могла поступить

иначе.

И просто не хотела!

– Да, конечно.

Встали и направились на выход. Я закрыла комнату, сразу взяв свои вещи. Поднялись на лифте, на его этаж. Секретарша услужливо спросила, что я буду, и мы скрылись за дверью его кабинета.

Глава 9

Александр

Никогда не думал, что буду открывать душу перед кем-то. И это не для того, чтобы ее задобрить. Эмма должна понять, что люди иногда, говоря – белое, имеют ввиду – белое, а не полутона.

Если уж помогать, то она должна мне доверять, а как это сделать, если не через себя?

Я уверен, что стычка с Кристиной ее откинула вновь назад, но я не позволю.

Вошли в кабинет, и девушка стала осматриваться. Но не с восхищением, знаю, что она видела роскошь. Успела пожить в ней. Она смотрела с простым женским интересом.

– Присаживайся на диван, – предложил, когда она стала переминаясь с ноги на ногу.

– Спасибо.

Вот вроде бы и волнуется, и в тоже время спокойна и уверена в себе.

Мария расставила нам чай и удалилась.

Сидели не шелохнувшись. Я смотрел на нее, и не знаю почему не мог оторвать взгляд. Словно пропадал в ее бездонных глазах. О, да, они определенно затягивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.